

ГЕОРГИЙ АБСАВА, НИКОЛАЙ БУРЛЯЕВ

КТО УБИЛ ЛЕРМОНТОВА?

15 июля 1841 года в 7 часов пополудни на дороге из Пятигорска в Железноводск лежал, истекая кровью, молодой офицер. Его звали Михаил Юрьевич Лермонтов; через три месяца ему должно было исполниться 27 лет. Свершилось похищение у России гениального поэта, мыслителя и философа во цвете лет, когда в раскалённом горниле его ума выплавлялись новые поэтические откровения, когда, принеся жертву искупительного покаяния – роман “Герой нашего времени”, – он замыслил создание эпопеи, охватывающей три важнейшие эпохи истории нашей страны. “Если бы Лермонтов был жив, не были бы нужны ни я, ни Достоевский”, – сказал Л. Н. Толстой.

Нам остаётся только с горечью повторить вслед за Д. Андреевым: “Если бы не разразилась пятигорская катастрофа, со временем русское общество оказалось бы зрителем такого – непредставимого для нас и неповторимого ни для кого – жизненного пути, который привёл бы Лермонтова-старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно... , где мудрость, прозорливость и просветлённое величие таковы, что человечество взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и трепетом радости”.

Жизнь Лермонтова, самого загадочного из деятелей русской культуры, окружена завесой тайны, полна белых пятен, недоговорок, вырванных страниц, тщательно зачёркнутых имён; множество его автографов было разворовано, уничтожено или вывезено за границу. Это заставило А. Блока, пытавшегося написать историю его жизни, горестно воскликнуть: “Нищенская биография! Нет фактов для изучения!” Но Александр Александрович оставил технологию изучения: “Нужно провидеть!”

Самой большой тайной, безусловно, остаются обстоятельства дуэли и трагической гибели поэта. Загадки возникают сразу в день рокового поединка: поздно ночью в дом пятигорского военного коменданта полковника В. И. Ильяшенкова приходит корнет Михаил Глебов, объявляет о случившемся и называет себя единственным секундантом. Но утром следующего дня к коменданту является молодой князь Александр Васильчиков и говорит, что он был вторым секундантом. Весьма странно – дуэль было принято держать в тайне, но после неё участники обязаны были сдать властям и признаться во всём.

Утром 16 июля Ильяшенков формирует комиссию для расследования обстоятельств преступления, куда назначает представителей военной комендатуры, полиции, суда и окружной прокуратуры, однако начальник штаба войск Кавказской линии и Черноморья полковник А. С. Траскин подключает туда ещё и сотрудника тайной полиции жандармского подполковника А. Н. Кушин-

никова. Тот недавно прибыл в Пятигорск для организации политического сыска и контрразведки. Работы ему хватает – город кишит контрабандистами оружия, отечественными и иностранными шпионами под видом путешественников и отдыхающих и пр. Кушинников никак не подчинён Траскину, но, тем не менее, он не отказывается от этого предложения. Мало того – сразу берёт на себя роль неофициального руководителя и ведёт расследование довольно двусмысленно. Дело было в том, что сразу после того, как привезли тело Лермонтова в Пятигорск, по городу разнесся слух о том, что поединок совершился бесчестно: поэт был убит вопреки правилам. Обитатели Пятигорска собираются у домика, где он жил, среди них слышен ропот. Плац-комендант подполковник Ф. Ф. Унтилов вынужден дважды объявлять собравшимся, что это была дуэль, а не подлое убийство.

Следователям не удаётся установить главное – мотивы убийства. Убийца – отставной майор Н. С. Мартынов, приятель и однокашник Лермонтова по юнкерской школе, – заявляет, что причиной дуэли послужили невыносимые насмешки над ним Михаила Юрьевича: “С самого приезда своего в Пятигорск Лермантов(!) не пропускал ни одного случая, где бы мог сказать мне что-нибудь неприятное. Остроты, колкости, насмешки на мой щёт, одним словом, всё, чем только можно досадить человеку”. Ужасающая картина; бедный Мартынов!

Однако следствие, зная характер Лермонтова, совершенно справедливо сомневается, “не относились ли его слова более к шутке или оскорблению чести вашей”, а в последнем случае – почему тогда он не обратился с жалобой к начальству, а прибегнул к кровавому самосуду. И Мартынов тут же меняет характер показаний: “Поводом же к его остротам было не что иное, как желание поострить – ...я других причин не знаю... Честь моя была затронута не насмешками его, но ...отказом прекратить их и прибегнуть к увещаниям другого рода (то есть к дуэли. – **Авт.**)”. Это умелый юридический ход, сразу снимающий вину с Мартынова: теперь во всём виноват не он, не сумевший понять юмора, а Лермонтов, усомнившийся в способности скромного, но благородного Николая Соломоновича защитить свою честь дворянина и офицера (по тем временам действительно серьёзное оскорбление).

Подельники – секунданты А. И. Васильчиков и М. П. Глебов – сообщают следствию о какой-то ссоре между противниками на вечере у генеральши М. И. Верзилиной, в результате которой последовал вызов со стороны Мартынова. При этом князь Александр Илларионович “долгом своим почитает заявить”, что ссора и последовавшее за ней оскорбление произошло при нём. Однако Мария Ивановна под присягой и при крестном целовании показала, что “неприятностей между ними я не слыхала и не заметила...” И в этом ей можно верить: её три красавицы-дочери на выданье имели не самую лучшую репутацию, и матери приходилось следить за ними и за гостями в оба глаза. Повторно допрошенный Васильчиков тут же отпирается от прежних показаний и заявляет, что он “не был свидетелем насмешек, обидевших майора Мартынова, а узнал об этом позже...” Любопытное и довольно подозрительное поведение молодого князя, юриста по образованию.

Слуги обоих противников, опять же под присягой, в один голос утверждают, что вражды между Лермонтовым и Мартыновым не было и “жили оне в дружбе и согласии... обходились между собою дружески...”

Кроме того, следственная комиссия выявляет ещё ряд подозрительных обстоятельств: ни убийца, ни секунданты не могут толком объяснить, “на эту дуэль из чьей квартиры или из какого места и в какое время выехали... на чём ехали: на дрожках или на верховых лошадях...” Показания всех троих расходятся совершенно. Более того, князь Васильчиков (опять он!) утверждает: “На эту дуэль выехали мы, т<о> е<сть> поручик Лермантов и я, из нашей квартиры, что в доме капитана Чельева (в Пятигорске. – **Авт.**)”. Между тем доподлинно известно и подтверждено документально, что М. Ю. Лермонтов уже 8 июля переехал из Пятигорска в Железноводск. 15 июля, в день дуэли они со А. Столыпным (Монго) приобрели там несколько билетов на ванны. Странное поведение человека, которому через несколько часов предстоит смертельный поединок с разъярённым непримиримым противником. А князя Васильчикова во второй половине этого же дня встретили в Пятигорске дамы Верзилины, причём в таком подавленном состоянии духа, какого они никогда за ним не замечали.

Комиссию интересует вопрос: стрелял ли Михаил Юрьевич? Все утверждают, что нет, не успел. А шустрый князь Васильчиков, как всегда забегая вперёд, заявляет, что “его пистолет я разрядил выстрелом на воздух...” И это опять странно – вопрос о выстреле Лермонтова очень важен, он позволит определить, была ли это дуэль или же убийство под её видом, а князю как юристу прекрасно известно, что заряженный пистолет – это вещественное доказательство. Между тем, когда следствие передало дело в окружной суд, за Мартынова как за “слабое звено” взялись опытные правоведы, имевшие основания подозревать всех троих в “умышленном намерении к лишению Лермантова жизни...” Их подозрения, видимо, разделял и полицмейстер Пятигорска В. А. Бетаки (друг Лермонтова и его однополчанин-тенгинец). Расставив несложную юридическую ловушку – не было ли осечки у лермонтовского пистолета, – они сумели вырвать у Мартынова признание, что “Лермантова пистолета осечки не было...” А осечки у пистолетов знаменитой мастерской братьев Кухенрейтеров и не должно было быть – заряд воспламенялся капсулем, а не ударом кремня. Значит, Михаил Юрьевич всё-таки стрелял. Но почему же он, великолепный стрелок, не попал? Да потому, что не имел такого намерения: жизнь человеческая имела для него, христианина, высокую ценность. Скорее всего, судьям удалось бы узнать правду, однако дело было срочно передано в военное судопроизводство, и новые, изболочившие Мартынова факты остались в черновиках и на суде не фигурировали.

Спустя много лет стало известно, что преступники, находясь под стражей, в изоляции, имели возможность общаться, обмениваясь “записочками” (без сомнения, с санкции жандарма Кушинникова – никто другой не пошёл бы на такое вопиющее нарушение закона), где корректировали и подтасовывали свои показания. Кроме того, впоследствии выяснилось, что на дуэли присутствовали ещё двое: Алексей Аркадьевич Столыпин по прозвищу Монго – родственник и друг Мишеля, секундировавший на его первой дуэли с де Барантом, – и князь Сергей Васильевич Трубецкой, кавалергардский поручик, кстати, сослуживец Дантеса и Мартынова, сосланный на Кавказ за сомнительную любовную интригу с фрейлиной Мусиной-Пушкиной. Полагают, что они-то и были секундантами со стороны Лермонтова (Трубецкой тоже был его родственником: его сестра была замужем за дядей Мишеля, ротмистром А. Г. Столыпиным). Однако они не были привлечены к следствию – Глебов и Васильчиков скрыли их присутствие.

Много ещё подозрительного можно обнаружить в материалах следственного дела, но это, как говорится, всего лишь цветочки.

Читаем свидетельство за № 35 от 17 июля 1841 года, подписанное военным лекарем И. Е. Барклаем-де-Толли: “При осмотре оказалось, что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра (12-го. – **Авт.**) при срастении ребра с хрящом, пробила правое и левое лёгкое, поднимаясь вверх вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе прорезала мягкие части левого плеча, от которой раны поручик Лермантов на месте поединка помер”. Иными словами, пуля летела снизу вверх под углом 30–40 градусов к плоскости земли. Такой угол наклона раневого канала абсолютно нетипичен для дуэльной ситуации. Это могло произойти только в 2 случаях:

1. Лермонтов стоял гораздо выше, где-то на склоне горы Машук, а Мартынов, задрав голову, целил в него снизу. Однако правила дворянского поединка чести исключали подобную эксцентричную расстановку противников: секундантам обяваны были найти ровную площадку, выбрать каковую в окрестностях Пятигорска не представляло затруднений. К тому же следственная комиссия, явившаяся 16 июля 1841 года для изучения места преступления, в очень подробном протоколе-описании ни словом не упомянула о каких-либо неровностях рельефа. Здесь необходимо упомянуть, что подлинное место дуэли, к сожалению, утеряно, что было признано ещё в конце XIX века авторитетной комиссией под председательством такого знатока биографии поэта, как П. А. Висковатов. Известный памятник с четырьмя зловещими грифами означает только, что в радиусе нескольких десятков или сотен метров предательская пуля лишила жизни великого поэта и гражданина России. Н. П. Бурляев сообщает, что геодезические исследования эксперта-криминолога Н. Кузовлёва в этой зоне показали, что в любом месте разницы высот между двумя точками, расположенными на расстоянии 25–35 м (таково, по данным следствия, было расстояние между дуэлянтами) не превышает пяти-семи градусов (а должно было бы быть 30–40 градусов).

2. Видимо, более адекватной следует считать гипотезу о том, что в Лермонтова стреляли из “положения лёжа” (К. Н. Паустовский, С. И. Недумов, И. Д. Кучеров, В. К. Стешиц, В. А. Швембергер и др.). Но кто был этот стрелок? Очевидно, что это не Н. С. Мартынов. Был ли это человек из числа участников дуэли? Вряд ли. Не стоит излишне идеализировать дворянство, среди них было немало аморальных людей (в том числе и среди секундантов), но пачкать свои ручки и рисковать свободой они вряд ли собирались – на это есть другие. По Кавказу, где давно шла кровопролитная война, шаталось немало удалцов, привыкших к выстрелам из засады, к крови, ни в грош не ставивших человеческую жизнь, но любивших доступные развлечения, которые требовали денег.

А смехотворным рассуждениям о том, что-де Михаил Юрьевич в момент выстрела пытался отклониться, изогнулся, и это, дескать, обусловило такой угол раневого канала, вполне можно пренебречь. Время, за которое пуля могла преодолеть короткое расстояние между дуэлянтами, по документам – не более 25–35 м, при скорости около 300 м/сек, близкой к скорости звука, намного меньше, чем время реакции даже тренированного спортсмена. Да и не того сорта человеком был М. Ю. Лермонтов, бесстрашный офицер, легендарный храбрец кавказской армии, чтобы уворачиваться от пули.

Равным образом следует отвергнуть предположение о том, что направление полёта пули изменило золотое бандо (тонкий плоский обруч, надевавшийся по тогдашней моде женщинами на голову для удерживания волос), которое поэт выпросил “на счастье” у своей кузины Екатерины Григорьевны Быховец и носил в кармане. Тонкая и к тому же незафиксированная пластинка из мягкого металла не могла быть причиной рикошета. А во-вторых, форменный офицерский сюртук (повседневная одежда военных) не имел нагрудных и внутренних карманов; боковые карманы располагались немного ниже входного отверстия пули – на уровне верхней трети бедра.

И, наконец, давно нужно отбросить доводы о том, что Михаил Юрьевич стоял с очень высоко поднятой рукой, и поэтому кожа на боку оказалась подтянутой вверх, а вернувшись в обычное положение, создала видимость входного отверстия пули ниже 12-го ребра. Такое возможно лишь в том случае, если тянуться рукой очень высоко, что исключается при позиции пистолета на плече дулом вверх (примерно так, по показаниям секундантов, стоял в свои последние мгновения Михаил Юрьевич).

Необходимо также прекратить обвинения доктора Баркляя-де-Толли в медицинской неграмотности и незнании анатомии. Да, он совершил правонарушение, не произведя вскрытия тела Лермонтова, из-за чего не удалось установить подлинные обстоятельства гибели поэта. Врач тем самым нарушил “Наставление для полицейских врачей” от 1829 года, требовавшее обязательного вскрытия тела жертвы преступления. Однако сам он на такое беззаконие никогда бы не решился, несмотря на знатную родню, – Иван Егорович был родственником знаменитого фельдмаршала. Несомненно, его заставил пойти на это офицер спецслужбы – жандарм Кушников, целенаправленно запутывавший следствие (см. ниже).

Предположение о выстреле наёмного убийцы подтверждает необычное для дуэльной ситуации расположение входного и выходного отверстий раны: пуля попала в правый бок, а вышла из левого. В честном поединке направленные её должно было быть от груди к спине. Далее, вызывает удивление слишком большая пробивная сила пули, прошедшей насквозь вдоль длинной оси сечения тела, к тому же поднимаясь вверх, да ещё пробившей на выходе трёхглавую мышцу плеча. Конечно, крупнокалиберные нарезные дальнобойные пистолеты (они принадлежали Монго) были мощным оружием. Их ТТХ неизвестны, но мы можем ориентироваться на характеристики пистолета, из которого был смертельно ранен А. С. Пушкин (эта пара пистолетов недавно экспонировалась в Москве). Тяжёлая пуля весом 10 г калибра 12 мм (автомат Калашникова имеет калибр 7,62 мм, пистолет Макарова – 9 мм, пулемёт ДШК – 12,7 мм) вылетала из ствола со скоростью 300 м/сек (у револьвера системы “Наган” – 240 м/сек, у пистолета ТТ – 420 м/сек). Как уже упоминалось, расстояние между дуэлянтами составляло предположительно 25–35 м, что довольно много для шаровидной пули, которой заряжалось огнестрельное оружие того времени. Круглая безоболочечная пуля имела невыгодные аэродинамические характеристики по сравнению с современной цилиндрической

ской и быстро теряла скорость не только от сопротивления воздуха, но ещё и от обратных воздушных завихрений, образующихся сзади летящего шара (сообщено автору ведущим научным сотрудником ЦАГИ, кандидатом технических наук Р. А. Засоловым). Следовательно, кинетическая энергия, определяющая пробивную способность шаровидной пули, снижалась очень резко. Конечно, на таком большом для пистолета расстоянии она не могла нанести столь страшную сквозную рану. Но выпущенная из длинноствольного крупнокалиберного нарезного штуцера (оружия отборных стрелков-егерей), где пуля, находясь дольше в длинном (обычно более 1 м) стволе, приобретала гораздо большее ускорение, — могла, и вполне.

Возникает вопрос: где мог оборудовать огневую позицию наёмный убийца? А вот где. Обратимся к протоколу следственной комиссии, обследовавшей место дуэли: "...проходит в Колонию (Каррас. — Авт.) означенная дорога. От этой дороги начинаются первые кустарники, кои, изгибаясь к горе Машухе, окружают небольшую площадку. Тут-то поединщики избрали место для стрельбы..." Н. С. Мартынов (из показаний следствию): "Мы стрелялись вблизи частого кустарника..." Заросли кавказского кустарника, видимо, были густыми и мощными, коль скоро участники привязывали к ним своих лошадей (это также отмечено в протоколе комиссии). В таких зарослях вполне можно устроить засаду и замаскироваться. Остаётся только привести жертву и поставить её в удобном для выстрела месте.

Но позвольте, ведь сделать это можно только по соглашению с участниками дуэли, случайные совпадения здесь исключены! Всё это может означать только одно — убийца имел сообщников среди участников дуэли! Кто-то хладнокровно продумал план предательского убийства и осуществил его. Кто это?

Алексей Столыпин-Монго, картинный красавец, член "кружка 16-ти", считавшийся другом Мишеля, образцом благородства и чести, по воспоминаниям одних современников, и "красивый манекен мужчины... с глупым выражением лица и уст, которые к тому же были и косноязычны", — по мнению других? Князь Серж Трубецкой, по прозвищу Тишайший, отпетый ловелас, вечно погружённый в сомнительные любовные интриги? Конногвардейский корнет Михаил Глебов, хромалец, рубака, тяжело раненный при Валерике, где он сражался рядом с Мишелем? Пожалуй, нет. Все они были кадровые военные, люди уставные, что, вообще-то говоря, ограничивает инициативу, кроме боевой.

Остаётся молодой князь Александр Илларионович Васильчиков, сын второго в государственной иерархии лица Российской империи — Председателя Комитета Министров и Государственного Совета И. В. Васильчикова, образованный юрист с университетским дипломом, которого Лермонтов, пусть в шутку, называл умником. Он был близок к либерально-западническим кругам, отличался болезненно гипертрофированным самолюбием, имел основания ненавидеть Лермонтова, частенько подтрунивавшего над ним (надо признать, язычок у Михаила Юрьевича был весьма острым). Можно полагать, что молодой князь мог сыграть роль организатора, *мозгового треста* заговора по ликвидации поэта.

Мы уже обратили внимание читателя на странное поведение князя на следствии. Не меньше подозрений вызывает тот факт, что "молодой Васильчиков отправил нарочного в самый день дуэли с известием о ней к своему отцу, который вследствие того тотчас и приехал сюда (в Петербург. — Авт.) прежде, чем могло придти к нему письмо от Левашова" (барон М. А. Корф, Государственный секретарь, лицейский однокашник А. С. Пушкина).

Что это за нарочный, опередивший расторопных казённых фельдъегерей? И как можно успеть так быстро выписать ему подорожную (эта и другие формальности занимали немало времени), если все перипетии злосчастного дня 15 июля закончились поздно ночью? А может быть, Александр Илларионович заранее знал о роковом исходе поединка?

Но ещё более подозрительно вёл себя князь, когда Михаил Юрьевич упал, сражённый пулей: его оставили лежать под ливнем без помощи, а Васильчиков, прихватив с собою потерявшего самообладание (и знаменитую черкеску!) Мартынова, скачет в Пятигорск. Там он передаёт окончательно упавшего духом Николая Соломоновича на попечение слуг, а сам отправляется к двум местным докторам поочерёдно с просьбой приехать на место дуэли, чтобы помочь горячо любимому раненому другу. Но, по его словам, он "получил такой же ответ, что на место поединка по случаю дурной погоды они

ехать не могут (вечером после 7 часов в Пятигорске и окрестностях разразилась проливной дождь. — **Авт.**), а приедут на квартиру, когда привезут раненого...” Но какого же другого ответа ожидал умный Александр Илларионович? Какую помощь могли оказать доктора в степи, во тьме кромешной, под ливнем? К тому же они, неплохие психологи, по-видимому, заподозрили недоброе: если Лермонтов ранен, то почему его не привезли в город, где есть военный госпиталь и квалифицированные хирурги? Ведь у Мартынова, богатого человека, имелись беговые дрожки, на которых он приехал к месту дуэли. Не исключено, что врачи, подозревая нечистую игру и не желая стать козлами отпущения, отказались от вызова. Возмущённый поведением докторов, честный князь возвращается и остаётся у тела Лермонтова с Трубецким, а Столыпин и Глебов едут в Пятигорск, где нанимают у помещика Мурлыкина, сдававшего внаём лошадей и экипажи, телегу, на которой слуги привезли Михаила Юрьевича в Пятигорск примерно к 11 часам ночи. Затем Глебов отправляется к коменданту Ильяхшенкову с повинной.

В переводе на сухой язык полицейского протокола это означает, что Лермонтов не был убит на месте, а подавал какие-то признаки жизни (смутные намёки на это можно найти в воспоминаниях Васильчикова и в рассказе Глебова в изложении Эмилии Клингенберг, старшей дочери М. И. Верзилиной). Видимо, поделники опасались, что физически крепкий Мишель может и выжить при своевременной медицинской помощи — со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая вынужденную поездку по этапу в Сибирь. Поэтому “друзья” оставляют его, беспомощного, умирать под холодным проливным дождём, а сами имитируют бурную деятельность по спасению товарища — с целью затянуть время. И цель достигнута: “Когда я возвратился, Лермонтов уже мёртвый (!) лежал на том месте, где упал...” (А. Васильчиков).

Возвращаемся к протоколу осмотра места преступления: “На месте, где Лермонтов упал и лежал мёртвый, приметна кровь, из него изтекшая...” В течение почти полутора столетий было принято считать, что Михаил Юрьевич был убит наповал и умер в течение 1–2 минут от несовместимой с жизнью раны. Сердце поэта перестало биться и создавать повышенное (в сравнении с атмосферным) давление крови в кровеносной сети. Со смертью человека кровяное и атмосферное давление уравниваются и кровотечение прекращается. Однако следователи обнаруживают странные признаки: мёртвый человек пролежал 3 часа под страшным ливнем, дождь должен был начисто смыть все следы крови, но они остались на земле! По ним члены Комиссии без труда определяют то место, где лежал поэт. Объяснение может быть только одно: Михаил Юрьевич оставался жив ещё тогда, когда закончился ливень (после 10 час вечера), и кровотечение продолжалось. А умер он, как и считал один из его первых биографов П. К. Мартынов, при перевозке в город. Этому имеется ряд свидетельств и косвенных подтверждений, в том числе воспоминания слуги Лермонтова гурийца Х. Саникидзе, а также кучера Чухнина, рассказавшего о том, как они с братом на следующий день отмывали залитую кровью телегу.

Известный советский хирург профессор С. П. Шиловцев, в 40–50 годах XX века воссоздавший топографо-анатомическую схему раны Лермонтова, считал, что сердце и магистральные кровеносные сосуды (аорта, лёгочные артерии и вены, а также их крупные ветви) не были задеты; брошенный без помощи под холодным ливнем поэт скончался от болевого шока, коллапса, вызванного кровопотерей, и длительного переохлаждения.

Столь же подозрительно князь Васильчиков вёл себя и спустя много лет. В воспоминаниях и интервью, опубликованных в 70-х годах XIX столетия, он пытался предстать перед читателями в роли преданного друга Михаила Юрьевича, перекладывая вину на Монго, будто бы спровоцировавшего Мартынова на выстрел.

В одной из своих последних публикаций князь сообщил, что позиция Лермонтова была выше, чем у Мартынова, и сократил расстояние между барьерами почти вдвое. Ах, умён был Александр Илларионович и склерозом явно не страдал: он прекрасно помнил, что где-то в пятигорском архиве пылится дело, в котором хранятся компрометирующие его документы о необычном характере раны Лермонтова. Следует заметить, что дело это таинственным образом исчезло из архива в конце XIX века.

На протяжении многих лет князь А. И. Васильчиков, а после его смерти и его потомки пытались ввести в оборот легенду о несносном насмешнике

Лермонтове, якобы даже на барьере не удержавшемся от очередного оскорбления Н. С. Мартынова и обозвавшем последнего дураком, и это-де “переполнило чашу терпения противника, он прицелился, и последовал выстрел” (кн. Б. А. Васильчиков, сын А. И.).

Кто-то из правнуков князя передал его записи об этом англичанину Л. Келли, который включил их в свою книгу “Лермонтов. Трагедия на Кавказе” (слабое произведение компилятивного и неточного характера), и таким образом фальшивка была введена в научный оборот.

Всё вышеизложенное может подтвердить предположение о том, что организатором убийства М. Ю. Лермонтова под видом дуэли являлся князь А. И. Васильчиков. Но если так, то он, новый человек на Кавказе, без местных связей и знакомств, к тому же ещё и штатский чиновник, “подьячий”, не мог обойтись без технического исполнителя. А таковым, по-видимому, мог быть корнет М. П. Глебов, “розовый, красивый, до конца молодежавый, как отрок” (однако недавно С. В. Чекалин установил, что на самом деле Глебов был намного старше, чем принято было считать). Он несколько лет прослужил на Кавказе, знал всех и вся, пользовался доверием в войсках как боевой офицер. Только он мог найти исполнителя заказного убийства: таким людям доверяют, за ними идут. Не исключено, что именно Глебова и Васильчикова имел в виду Мартынов, когда впоследствии писал: “Друзья-таки раздули ссору...”

А. А. Столыпин-Монго и князь С. В. Трубецкой, скорее всего, были вовлечены в заговор случайно. Они были поставлены перед фактом соучастия в предательском убийстве и проявили малодушие, испугавшись огласки и изгнания из благородного общества. Видимо, поэтому они обязались молчать в обмен на сокрытие их присутствия на дуэли. Клятву сдержали все подельники: Васильчиков и Глебов утаили от следствия их участие, и Монго с Трубецким не проходили по делу в качестве фигурантов, и до самой смерти они не проронили ни слова об обстоятельствах дуэли. Правда, Монго в 1849 году во французском журнале “Мирная демократия” опубликовал перевод “Героя нашего времени”, где глухо обмолвился в предисловии о том, что тайна гибели Лермонтова осталась нераскрытой. Однако сделал он это вовсе не для того, чтобы искупить свою вину и почтить память своего друга, а вследствие нужды в деньгах, в чём не постеснялся открыто признаться в письме к сестре, М. А. Бек. Однако здесь уместно поставить вопрос: сам ли Столыпин сделал перевод лермонтовского романа или же он принадлежит другому лицу? Вопрос этот правомерен, ибо князь М. Б. Лобанов-Ростовский, бывший, как и Монго, членом лермонтовского “кружка 16-ти”, и некоторые другие мемуаристы указывают на плохое знание Столыпинным французского, тогда как от переводчика требуется совершенное владение языком. Кроме того, для перевода художественного произведения необходим также и литературный талант, которого Монго был лишён. Лобанов-Ростовский отмечает, что он был “косноязычен”.

Но в таком случае кому могло принадлежать авторство перевода? Уж не самому ли Михаилу Юрьевичу, который, как известно, в совершенстве знал не только французский, но и английский, и немецкий? Не был ли он похищен “друзьями” после смерти поэта? О факте кражи лермонтовских бумаг после его гибели „хищниками” прямо говорит помещик Г. Быховец (отец упомянутой Катеньки Быховец), несомненно, со слов дочери, в письме к издателю Бартеневу. Видимо, по Пятигорску ходили такие слухи. Об этом же косвенно свидетельствуют сделанные Ф. Боденштедтом немецкие переводы неизвестных донине 19 стихотворений Лермонтова. По словам Боденштедта, оригиналы на русском языке ему показал М. Глебов во время их встреч в Тифлисе в 1843–1845 годах. Остаётся только гадать, каким “нелегитимным” путём попали автографы стихов Лермонтова к Глебову (его архив до сих пор не обнаружен).

Заслуживает особого внимания личность Н. С. Мартынова, странного молодого человека, сыгравшего, как принято считать, роковую роль в судьбе поэта. Они были однокашниками в Юнкерской школе, но, возможно, были знакомы с детства (имения бабушки Лермонтова и родителей Мартынова находились неподалеку друг от друга). Есть сведения о дружбе юнкеров Маёшки и Мартышки на почве общей склонности к литературе — они вместе редактировали юнкерский рукописный журнал “Школьная заря”. Впоследствии они поддерживали ровные отношения в Петербурге, в Москве и на Кавказе. Лер-

монтов часто бывал в семье Мартыновых и даже завёл шуточный флирт с одной из его четырёх сестёр – красавицей Натальей. Воспоминания современников рисуют портрет Николая Соломоновича Мартынова – довольно заурядного человека, не лишённого добрых качеств и способностей, но весьма тщеславного и самовлюблённого до нарциссизма. Высокое самомнение, по-видимому, являлось характерной чертой рода Мартыновых, но при этом Николай “был довольно бесхарактерным и всегда находился под чьим-либо посторонним влиянием...” (И. Арсеньев). Подобное сочетание характерологических черт, как известно, не предвещает их обладателям ничего хорошего: такие люди легко становятся игрушкой в чужих недобрых руках.

Мартынов мечтал о блестящей военной карьере, ради этого добровольно перевёлся из придворного лейб-гвардейского Кавалергардского полка (где служил вместе с Дантесом и был с ним в приятельских отношениях) в Кавказскую армию. В свои 25 лет он уже имел штаб-офицерский чин майора и боевую награду – орден Святой Анны 3-го класса с бантом. Но в феврале 1841 года этот честолюбец внезапно ушёл в отставку по собственному желанию. Существует предположение, что его вынудили к этому однополчане, офицеры Гребенского казачьего полка, чтобы не позорить часть, – то ли за трусость в бою, то ли за карточное шулерство. Однако причина навсегда останется тайной – материалы “Дела о возвращении майора Мартынова на военную службу”, начатого всего через месяц (!) после его ухода в отставку, похищены из архивов; осталась лишь обложка дела, “в коем было 8 листов” (М. Давидов).

Николай Соломонович всячески стремился продолжить столь успешно начатую военную карьеру. Его пресловутые черкески с огромными кинжалами были, по сути, формой одежды его Гребенского казачьего полка, которую он имел право носить в отставке, но без эполет. Кстати, над этим пристрастием Мартышки к разукрашенным галунами черкескам подтрунивали все, кому не лень, а не только Мишель, однако это не мешало их приятельским отношениям, о чём имеется немало свидетельств современников. Конечно, у Михаила Юрьевича было мало общего с заурядным Николаем. Но он был приятелем его юности – “добрый малый – товарищ скучный, тягостный и вялый”... Поэт был всегда верен дружбе, даже с такой ординарной личностью. Распространявшиеся впоследствии слухи об их вражде – то ли за насмешки, то ли за вскрытие письма сестёр Мартынова, то ли за якобы оскорбительное изображение Натальи Соломоновны в романе, – не более чем попытки увести от истины (это было установлено И. Л. Андрониковым, Э. Г. Герштейн и О. Миллер). Примечательно, что в дальнейшем Мартынов носил клеймо убийцы великого поэта России легко и даже не без гордости. Сведения о его раскаянии, ежегодных панихидах в день гибели Лермонтова и пр. – всего лишь легенда. Раскаиваться Николай Соломонович начал только на пороге смерти, когда всерьёз стал задумываться, как его встретят Там...

Что заставило этого в общем добродушного, но слабохарактерного, безвольного и тщеславного человека разделить ответственность за преступление, которого он, судя по фактам, не совершал? Страх – и, возможно, страстное желание продолжить военную карьеру; обещание князя Васильчикова помочь в этом могло стоить многого: как-никак, он был сыном всесильного любимца царя. Можно полагать, что дуэль не несла заряда ненависти и злобы, а была затеяна под предлогом реабилитации трусоватого Мартышки. Может быть, что и сам Михаил Юрьевич принял в ней участие, желая помочь товарищу, тем более что через день он собирался уезжать в отряд (12 июля Лермонтов и Столыпин представили свои подорожные в пятигорскую комендатуру и ожидали только выплаты прогонных денег от военной казны). А дальше – Васильчиков и Глебов под прикрытием экстремальной ситуации поединка, где возможны любые случайности, осуществили свой предательский замысел. После этого они заставили Мартынова, оказавшегося в безвыходной ситуации, взять на себя страшный грех убийства друга. В альтернативе – прослыть убийцей или покаяться в преступлении, в котором он не был виновен, – Николай Соломонович выбрал первое.

Что двигало этими людьми, организовавшими преступление? Ведь не такто просто для христианина презреть заповедь Божию “Не убий!” и решиться на хладнокровно обдуманное убийство товарища. К тому же и земное наказание за это полагалось суровое – лишение чинов, дворянского достоинства и ссылка в Сибирь в каторгу (смертной казни в России не существовало

с 1744 года). Безусловно, у них могли быть личные причины – обида, уязвлённое самолюбие, ревность, соперничество и т. д., которые могли вызвать ненависть к поэту. Но одними личными причинами такое преступление объяснить трудно. Здесь явно просматривается чья-то могущественная рука, умело направлявшая их (и, возможно, гарантировавшая безопасность). Кому она принадлежала?

* * *

В советском, да и, пожалуй, в дореволюционном лермонтоведении было принято обвинять Николая I, инспирировавшего убийство поэта: будто бы император ненавидел его за свободолюбивые стихи, дважды ссылал на Кавказ под пули горцев, а когда они не достигли цели, послал жандармов для его ликвидации путём дуэли. Однако эта гипотеза не выдерживает серьёзного анализа: в вольнодумстве Лермонтов не был замечен, о смене форм правления в России не помышлял, антимонархических выпадов не допускал (с этой точки зрения у царя было больше поводов ненавидеть А. С. Пушкина, масона и дерзкого вольнодумца в молодости, однако он относился к поэту благожелательно). Считать же, что Николай как первый дворянин Империи обиделся за оскорбление всего дворянства в стихотворении “На смерть поэта”, нелогично. Нельзя же предъявлять подобные претензии человеку, которому шеф его тайной полиции А. Х. Бенкендорф писал в секретном аналитическом докладе за 1836 год: “В народе толкуют, что всему злу виною господа, то есть дворяне”. Да и мог ли уважать дворянское сословие царь, прекрасно знавший, что его деда Петра III и отца Павла I свергли с престола и убили русские дворяне – в результате интриг Англии и за британское золото. Крепостное право, за которое они цепко держались, было источником внутривластной нестабильности из-за постоянных крестьянских волнений и тормозом промышленного развития страны вследствие отсутствия свободных рабочих рук. Не зря император и Бенкендорф считали крепостничество “пороховым погребом под государством”. Но царь и дворянство были тесно связаны в “порочном кругу”: дворяне нуждались в царской власти как институте, освящавшем крепостничество, а царь нуждался в них как в единственном образованном классе общества, откуда он черпал кадры для госадминистрации и армии. Сознывая всё это, Николай I постоянно, но втайне работал над проектом освобождения крестьян от крепостного права (известно, что с этой целью им было создано последовательно около десятка тайных комиссий, работавших над проектом). Однако осуществить его удалось только его сыну Александру II, использовавшему идеи отца.

В первый раз монарх выслал Лермонтова на Кавказ из-за волнений, возникших после смерти А. С. Пушкина, и понять его, взошедшего на престол хмурым декабрьским днём под грохот русских пушек, стрелявших в русских людей, можно. Вторая ссылка Михаила Юрьевича произошла отчасти из-за его опрометчивого объяснения с де Барантом на гауптвахте, которое клеветники поспешили истолковать превратно – как повторный вызов на дуэль; но в большей степени – из опасения испортить и без того натянутые отношения с Францией конфликтом с её дипломатом: в это время разразился острый кризис отношений двух стран в ближневосточной политике. Русский посол граф Пален демонстративно выехал из Парижа и отсиделся в Петербурге. Мир напряжённо ждал, вернётся ли Пален во Францию, ибо его невозвращение означало войну. М. Ю. Лермонтов явился в известной степени жертвой, принесённой на алтарь русско-французских отношений, на что указывала Э. Г. Герштейн.

Николай I высоко оценивал художественные достоинства лермонтовского романа: “Я прочитал всего “Героя...”, который написан превосходно”. Неприятие у самодержца вызвал образ Печорина: “Это та же картина отвратительных фанатических нравов, которые встречаются в сегодняшних иностранных романах. Именно от таких романов портятся характеры и нравы... т<ак> к<ак> в итоге вырабатывается привычка верить, что мир состоит только из подобных людей, и в нём лучшие поступки вызываются лишь негодными и грязными побуждениями; каков же должен быть результат? Презрение или отвращение к роду человеческому”. К сожалению, у царя и поэта были

разные цели. Роман Лермонтова явился актом “искупительного покаяния”, как назвал его сдружившийся с ним славянофил Ю. Ф. Самарин. В романе были вскрыты опухоли и гнойники современного общества — установлен диагноз болезни, лекарства от которой Михаил Юрьевич не знал. Царю же было хорошо известно о наклонности общества подражать литературным образцам, что, безусловно, осложняло его задачи по управлению огромной страной, где дураки и дороги — ещё не самое большое зло.

Можно полагать, что Николай I желал наказать Лермонтова гарнизонной скукой в глухой провинциальной дыре, поместив его среди солдат и офицеров одного из самых славных полков кавказской армии — 78-го Тенгинского пехотного, и обратить к продуктивному творчеству. Именно в этом полку в тот же период был совершён беспримерный подвиг — рядовой Архип Осипов, оставшись последним защитником укрепления Михайловское, взорвал пороховой погреб. Герой погиб, но вместе с ним взлетели на воздух несколько десятков горцев, ворвавшихся в укрепление. В ознаменование героического подвига впервые в истории русской армии по приказу царя имя Архипа Осипова было навечно внесена в списки Тенгинского полка. Возможно, это и имел в виду самодержец, когда писал жене в Эмс (курорт в Германии, где она находилась на лечении): “Характер Капитана (Максим Максимыч. — Авт.) прекрасно описан... я надеялся и радовался, что, вероятно, он и есть Герой нашего времени. В Кавказской армии их число, безусловно, велико — о чём редко хотят знать... Счастливого пути, мсье Лермонтов, ему нужно только прочистить голову внутри той среды, где он найдёт, что завершить свой характер Капитана...” Остаётся добавить, что Тенгинский полк как понёсший большие потери по царскому приказу был выведен на отдых и пополнение, стоял гарнизоном в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) и в Анапе. В боевых походах 1840 года, где героически отличался Лермонтов и был дважды представлен к высоким боевым наградам, а также 1841 года тенгинцы не участвовали.

Версией о царе, пославшем для убийства поэта жандарма Кушинникова, можно пренебречь как недостоверной. Лермонтов выехал из Петербурга 14 апреля 1841 года в Темир-Хан-Шуру, где стоял гарнизоном его полк. А подполковник А. Н. Кушинников за день до этого отправился в Пятигорск со спецзаданием по усилению контрразведывательной работы и, безусловно, не мог знать, что Михаил Юрьевич окажется в городе: они с Монго по приказу командования следовали на левый фланг в отряд генерала Засса, и их остановка в Пятигорске для лечения была неожиданной. К тому же на Кавказе в условиях войны, где опасности подстерегали офицера не только в боях и походах, но и в пути, было абсолютно нецелесообразно прибегать к столь ненадёжному способу ликвидации, как дуэль. Предоставим слово такому авторитетному эксперту, как знаменитый покоритель и „проконсул” Кавказа, генерал А. П. Ермолов. Он познакомился с Лермонтовым зимой 1841 года, когда Михаил Юрьевич по пути в отпуск в Петербург завёз ему конфиденциальное письмо от генерала П. Х. Граббе, командующего войсками Кавказской линии и Черномории. Узнав о гибели поэта, Алексей Петрович писал: “Уж я бы не спустил этому Мартынову... Я бы его спровадил; там есть такие дела, что можно послать да вынудши часы считать, через сколько времени посланного не будет в живых...” Ермолов очень высоко ценил Лермонтова: “Можно позвонить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождёшься...”

Но если не монарху, то кому же нужна была смерть М. Ю. Лермонтова? Чтобы это понять, необходимо рассмотреть подводные политические течения, которые постоянно протекали и протекают в недрах страны, то укрепляя, то подтачивая её государственные устои, будь то в Киевской или Владимиро-Суздальской Руси, Великом княжестве Московском, Российской империи, СССР или Российской Федерации. Дело заключается отнюдь не в регулярном чередовании “лысых и волосатых” правителей — царей, генсеков, президентов. Суть в другом: в не менее поражающей своей ритмичностью смене диаметрально противоположных концепций государственного развития, предполагающих вхождение в семью европейских народов на правах равноправного члена или самостоятельного, самобытный, независимый от Запада вектор движения России с элементами изоляционизма. Сложившиеся в 40-х годах XIX столетия антагонистические группировки, выразители этих политических тенденций — западники и славянофилы — составляли лишь надводную часть

айсберга. Западничество и славянофильство не являлись агрессивными течениями; противостояние двух мировоззрений было, скорее, полемическим. Однако внутри слоев тогдашней правящей элиты, да и нынешней тоже, борьба идей носила и поныне носит гораздо более ожесточённый характер (разрушение СССР в значительной степени обусловлено этим фактором). Идеологическая схватка внутри страны разворачивалась на фоне весьма неблагоприятной внешнеполитической обстановки и обуславливалась мощными геополитическими процессами.

Французская буржуазия, получившая власть в результате революционного взрыва в июле 1830 года, когда на трон взойшёл „король банкиров” Луи-Филипп Орлеанский, стремилась избавиться от диктата Священного Союза континентальных государств, в первую очередь, России, Австрии и Пруссии. С другой стороны, влияние России препятствовало планам Англии по либерально-революционному раздроблению крупных держав, что могло облегчить британцам доминирование в Европе и господство на морских коммуникациях. Восточная политика Николая I, приведшая к установлению добрососедских отношений с Турцией и Ираном, а особенно русское военное присутствие в Дарданелльском проливе также вызывало беспокойство у английского правительства. Оно панически боялось выхода России на океанские межконтинентальные пути и прорыва в Индию – сокровищницу британской короны. Великобританию никогда не волновали территориальные склоки на европейском “пятакке”. Но стоило какой-либо стране начать укрепление своей морской мощи, тут же английский бульдог показывал свои клыки. Сила английской колониальной империи заключалась в военно-морском флоте, господствовавшем на межконтинентальных морских путях; но угрозы им гордые сакусы не терпели, и дерзкого соперника ожидала агрессия со стороны коалиций европейских стран, сколоченных на английское золото. Вот что толкнуло в объятия друг друга двух застарелых врагов – Англию и Францию: в атлантистский блок их объединил, в первую очередь, страх перед растущей морской мощью Российской империи. Первым симптомом этого не совсем естественного союза явилось разращение в 1841 года королевского правительства Великобритании на вывоз гроба с телом Наполеона с принадлежавшего Англии острова Святой Елены. Процедура эта вылилась в национальный праздник французов: на всём пути в Париж были выстроены войска, гремели салюты, стояли толпы народа, военные оркестры играли марши наполеоновской армии. И это был открытый вызов России, отказ от установившегося в Европе с 1815 года *status quo*. Союзники планировали ликвидировать русское влияние военным путём, но пока ограничивались ожесточёнными антирусскими пропагандистскими кампаниями в европейской прессе. Не случайно, что в этот период Россию посетил небезызвестный маркиз де Кюстин, отблагодаривший нас за гостеприимство клеветнической книжонкой “Россия в 1839 году”, и совершенно не случайно юный де Барант приехал в Петербург с глубокоим убеждением, что “северные варвары” лишены чувства чести и достоинства.

Трудно исключить, что именно этими международными обстоятельствами объясняется мягкий приговор убийцам Лермонтова: князя Васильчикова и корнета Глебова простили, а Мартынова Святейший Синод направил на церковное покаяние в течение 15 лет – странное наказание для офицера в высоком чине майора, кавалера боевого ордена, как уличённого в пьянстве и прелюбодеянии дьячка (Мартынов регулярно бомбардировал правительство просьбами о прощении и был освобождён от наказания через 4 года). Мы предполагаем, что императору были известны все подробности убийства поэта от агентурной сети 3-го отделения собственной Его Величества канцелярии (тайная политическая полиция). Документально подтверждено, что уже на следующий день после дуэли жандармский подполковник Кушинников сообщил о трагедии своему шефу А. Х. Бенкендорфу, добавив: “Почтительнейше доношу об этом Вашему Сиятельству, имею честь присовокупить, что откроется по следствию, не замедлю представить особо...” А следствию могло открыться очень многое: по Пятигорску ходили зловещие слухи о тёмных обстоятельствах поединка. Недаром боевой товарищ Мишеля юнкер Руфин Дорохов говорил впоследствии писателю А. В. Дружинину: “Дуэли не было – было убийство”. А служака Кушинников информировал своё начальство регулярно: с середины мая по середину июля им было направлено 16 рапортов в Петербург.

Мог ли в таких условиях Николай I допустить огласку позорящих страну событий? Конечно же, нет. Возможно, поэтому при его жизни ни один из участников роковой дуэли не получил разрешения на выезд за границу. Однако императору пришлось принять ложную версию, оправдывающую соучастников, в первую очередь Мартынова, об оскорблении его сестёр. И. Л. Андроников установил, что она была предложена в ходе следствия жандармом Кушинниковым. Кстати, этому человеку, изрядно-таки запутавшему расследование, мы обязаны тем, что следственное “Дело” всё же дошло до нас, хотя и не полностью: он снял копии с важнейших документов, а затем доставил их в Петербург, так как вскоре был отозван, не окончив своего служебного поручения, для доклада на Высочайшее имя. А оригинал следственного дела, равно как и “Дела Военного Суда” бесследно исчезли из городского архива ещё во 2-й половине XIX века. До хранилища документов спецслужбы руки похитителей дотянуться не могли (“Дело” впервые было опубликовано только в 1992 году Д. А. Алексеевым). Архивы Р. И. Дорохова и А. В. Дружинина также пропали после их безвременной кончины.

* * *

Возвратимся в напряжённую политическую обстановку 40-х годов. Франция и Англия параллельно с информационной войной против России готовились к прямой военной агрессии. Нельзя также забывать, что фактически с 1834 года на Кавказе шла настоящая война против непокорных – *немирных* – горских племён, спровоцированная и поддерживаемая союзниками: концепция “пояса нестабильности” по южным границам России была разработана уже в то время.

Вооружённое вмешательство не заставило долго себя ждать. В 1854 году в результате недалёковидной и, возможно, как считал Ф. И. Тютчев, предательской политики российского МИДа, возглавляемого графом К. В. Нессельроде (“Нет, карлик мой, // Трус беспримерный...” – Ф. Тютчев), объединённые войска Франции, Великобритании, Турции и Пьемонтского королевства при угрожающем нейтралитете Австрии и Пруссии (недавних союзников России) вторглись на Крымский полуостров и осадили Севастополь, главную базу Черноморского флота. Крымская война закончилась неудачно – Севастополь пал. Называют много причин поражения России: и недостаток парусов, особенно винтовых, и малое количество нарезных дальнобойных винтовок, и отсталую военную тактику, в том числе штыковые атаки в сомкнутом строю... Со всеми этими доводами можно согласиться, но основной причиной явилась неготовность России к противостоянию практически всей Европе. Почти вся огромная русская армия была сконцентрирована на западной границе – из опасения вторжения Австрии, выдвинувшей на свои границы армию в 500 тысяч человек, а защитники Севастополя постоянно страдали от недостатка людских резервов.

По условиям Парижского мирного трактата Россия потеряла право держать военный флот на Чёрном море, тем самым важнейшая доходная статья госбюджета – хлебный экспорт из Одесского порта в Европу через Босфорский и Дарданелльский проливы – подпадала под контроль Турции, а следовательно – под контроль Англии и Франции. Это ставило страну в кабальную зависимость от них и низводило некогда могущественную Российскую империю до уровня второстепенной державы. Эпоха доминирования России в Европе закончилась. Зато известный чревоугодник и “австрийский министр русских иностранных дел” К. Нессельроде получил возможность радостно сказать французскому певцу Лаблашу после заключения позорного Парижского трактата: “Поздравим друг друга: в этом году мы поедем к вам есть макароны” (А. Ф. Тютчева, дочь Ф. И.).

Великобритания, обладавшая самым мощным флотом в мире, имела слабую армию, поэтому её война с Россией напоминала бы бой кита со слоном. Сильную, многочисленную и храбрую армию содержала Франция. Именно французская пехота, спецназ (“зуавы”) и артиллерия сыграли решающую роль в осаде Севастополя и взятии в результате третьего генерального штурма Южной стороны (напомним читателю, что тогда интервентам удалось захватить укрепленные предместья, а сам город остался русским; однако “ци-

визированные” захватчики за несколько часов пребывания разграбили всё, что можно, не пощадив могил адмиралов Лазарева, Корнилова и Нахимова). История дуэлей двух величайших наших поэтов в этом контексте может приобрести особый интерес для равнодушного исследователя, если принять во внимание ту гигантскую пропагандистскую работу, которая тогда проводилась в европейском стане в целях подготовки Франции как главной ударной силы против России.

Для разрушения согласия двух народов необходимы исключительные причины; если их нет, то их нужно создать. При этом чем чудовищнее ложь, тем скорее в неё поверят, тем лучше для достижения цели, как утверждал недоброй памяти Й. Геббельс, министр пропаганды гитлеровской Германии. Всегда найдутся средства массовой информации, которые сумеют настроить общественное мнение в нужную сторону, поэтому нельзя исключить, что русско-французские дуэльные конфликты А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова инспирировались именно с такими целями. Признавая зловещую роль Дантеса и его так называемого “приёмного папашки” Геккерена, трудно в то же время отрицать какую-то силу, толкавшую их на кровавое столкновение с Пушкиным. Равным образом нагло спровоцированная дуэль Лермонтова с де Барантом (и даже практически на одном и том же месте – на Чёрной речке, Голгофе русских поэтов), возможно, преследовала те же цели. Социально-политическое значение обоих европейски признанных светочей русской культуры должно было подчеркнуть степень тяжести оскорбления Франции.

Поэтому император Николай I вынес Дантесу, французскому подданому на русской службе, столь мягкий приговор за оскорбление семейной чести и человероубийство: разжалование в солдаты и высылка в Европу. Видимо, и показное невнимание правительства к дуэли Лермонтова с французским дипломатом объяснялось нежеланием осложнять и без того натянутые до предела отношения с Францией, как указывала Э. Г. Герштейн. Отказ в продлении отпуска и поспешная высылка Михаила Юрьевича из Петербурга в 48 часов также поддаётся объяснению в политическом контексте: он был вынужден выехать на Кавказ 14 апреля, а всего два дня спустя, 16 апреля 1841 года состоялось торжественное бракосочетание наследника цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II, с великой княгиней Марией Александровной, урождённой принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадской. Зная независимый и гордый характер поэта, власти не без основания опасались, что потаённые враги России сумеют спровоцировать его новый конфликт с кем-нибудь из высокопоставленных иностранных гостей, страдающим повышенным содержанием адреналина в крови.

М. Ю. Лермонтова опасалось не только правительство, но и космополитические русофобские круги, стремившиеся насильно втащить страну в чуждую ей европейскую цивилизацию, где России была уготована третьестепенная роль; ещё больше оснований для опасения имела аморфная либерально-западническая масса мелкого и среднего дворянства, подражавшего аристократическим салонам. Всё это были потомки безродных иностранцев, нахлынувших в Россию “на ловлю счастья и чинов”: внуки екатерининских фаворитов, ценой позора достигших богатства и почестей; обломки древних боярских родов, в которых не осталось ничего русского, Для этих кругов дворянской интеллигенции, пропитанной западным духом на крутой русофобской закуске, не знавших и не любивших своей родины (а зачастую и родного языка), имя Лермонтова превращалось в угрозу. Своим блистательным поэтическим даром он объединял пламенный русский патриотизм и искреннюю православную религиозность. Нашествие Наполеона и “двунадесятый язык”, когда враг впервые за много столетий вторгся на исконно российские земли, всколыхнуло в народе высокие национальные чувства. И если А. С. Пушкин, чуждавшийся политической деятельности, был признан, сам того не желая, главой патриотических русских кругов, то М. Ю. Лермонтов с его сильной волей, недюжинным честолюбием и выраженными лидерскими качествами мог возглавить *русскую партию*.

“Мы волновались, приходили в глубокое негодование. Пылали от всей души... – так нас подымала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламеневший в этих стихах. Наверяд ли когда-нибудь ещё в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление...” – так охарактеризовал знаменитый критик В. В. Стасов магнетическое воздействие по-

эзии Лермонтова на умы. Вот что может сделать один человек, но человек гениальный!

Михаил Юрьевич не оставил записей о своих политических взглядах, но некоторые его высказывания позволяют думать о его близости к евразийской геополитической модели развития России. Н. В. Гоголь отметил общность его взглядов с некоторыми концепциями славянофильства (кстати, в последние годы жизни Лермонтов сдружился с идеологами и вождями славянофилов: А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариним, П. В. Киреевским. Однако, в отличие от них, Михаил Юрьевич не верил в панславистскую идею объединения западных славян, особенно поляков, вокруг России, высоко оценивал значение западно-цивилизационных реформ Петра Великого, которое отрицали славянофилы, признавал необходимым заимствовать многое из Европы в плане образования и научно-технического прогресса. Вместе со всем этим проницательный Гоголь догадался и его нелюбви к европейской модели цивилизации. “Это стремление шагать в ногу с Европой задержало наше развитие Бог весть на сколько лет... Сколько можно тянуться за Европой? Мы должны жить своей самостоятельной жизнью и внести своё самобытное в общечеловеческое, – говорил Михаил Юрьевич своему другу и издателю А. А. Краевскому. – Зачем нам всё тянуться за Европой и за французским... Я многому научился у азиатов, и мне хотелось бы проникнуть в тайны азиатского мирозерцания... Там, на Востоке хитник богатых откровений...”

На этом основании мы предполагаем, что М. Ю. Лермонтов был именно “евразийцем” – сторонником движения страны в азиатском направлении, расширения России на Восток. Эта политическая концепция особенно ярко отражена в его, как нам кажется, единственном “программном” стихотворении “Спор”: с какой-то космической точки, охватывающей огромное пространство от Урала до Дуная, поэт созерцает движение русских полков: скачут уланы, поднимая пыль, трясётся земля от тяжкого шага пехоты, дым пушечных фитилей застилает горизонт. Это движение России на Восток, на Кавказ. Вслушайтесь в ритм и размер стихов: это же мерная дробь боевых барабанов; не яростный призыв к атаке, а сигнал “поход”: русские идут!

* * *

Поэт в России – ещё и пророк, и учитель. Современники А. С. Пушкина отмечали его всё возрастающее влияние на императора. Не случайно многие (даже спецслужбы и некоторые члены дипкорпуса, например, прусский посол фон Либерман) считали Александра Сергеевича главой *русской партии*. Однако он был не политическим, а, скорее, духовным вождём патриотических сил, хотя вовсе не стремился к политической деятельности. Его боялись “некоторые из коноводов нашего общества, в которых нет ничего русского” (кн. П. А. Вяземский, из письма к графине Э. Мусиной-Пушкиной). По-видимому, того же они ожидали и от Лермонтова – его звезда стремительно всходила на поэтическом небосклоне России, его популярность росла гигантскими шагами. Кроме того, у него было то, чего полностью был лишён Пушкин: честолюбие, сильная воля, способность увлекать за собой людей, – словом, все качества, необходимые политическому вождю. Лермонтов неминуемо должен был превратиться в духовного лидера, способного возглавить и увлечь за собою патриотические круги и направить страну на её самобытный национальный путь развития, отрицающий западные либеральные ценности. Однако бунта против своей касты не прощают. Обоих поэтов окружили ядовитым туманом клеветы, а потом прибегли к свинцу. Кому было это выгодно, кто это сделал?

“Маленькая горсточка людей, по своему воспитанию и образу жизни ставших совершенно чуждыми своей стране, деморализованных жизнью среди роскоши... родина которых – итальянская опера и французский ресторан... а единственный нравственный закон – достижение наибольшего материального благополучия...” (А. Ф. Тютчева).

“Лермонтов убит. Его постигла одна участь с Пушкиным. Невольно сжимается сердце, и при новой утрате болезненно отзываются старые. Грибоедов, Марлинский (А. А. Бестужев. – **Авт.**), Пушкин, Лермонтов... Становится страшно за Россию при мысли, что не слепой случай, а какой-то приговор судьбы поражает её в лучших из её сыновей: в её поэтах. За что такая напасть... и что выкупают эти невинные жертвы?” (Ю. Ф. Самарин).